

ЗЕЛЕНОКУМСК

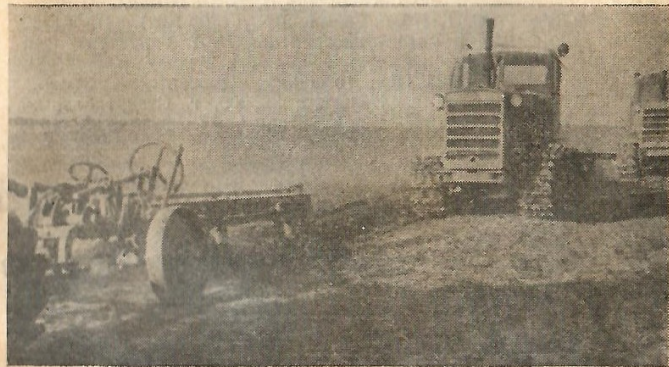

ИСПОЛКОМ ЗЕЛЕНКУМСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В. И. РАДЧЕНКО, Л. А. ПОЛЬСКАЯ

ЗЕЛЕНКУМСК

Историко-краеведческий очерк

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1981

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	5
На берегу Кумы	7
В борьбе за новую жизнь	20
В годовину испытаний	46
Зеленокумск сегодня	59

Владимир Иванович Радченко, Лидия Андреевна Польская

ЗЕЛЕНОКУМСК

Редактор *Г. И. Шапиро*. Худож. редактор *В. А. Каретко*. Техн. редактор *А. М. Кобыльниченко*. Корректор *Н. И. Яковцева*.
Сдано в набор 11.09.81. Подписано в печать 08.10.81. ВГ 01742.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,88. Тираж 1 500 экз. Заказ 2903. Цена 15 коп.
Ставропольское книжное издательство, 355000, г. Ставрополь, пл. Ленина, 3. Красная типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

Радченко В. И., Польская Л. А.

Р15 Зеленокумск. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1981. 80 с.

Очерк о прошлом, настоящем и будущем г. Зеленокумска.

Р 1905040100
М159(03)—81 заказная

633(2)

© Ставропольское книжное издательство, 1981 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

С величавых ледников Главного Кавказского хребта в широкие степи Ставрополя стекают десятки рек. Среди них — Кума, зарождающаяся на ледниках где-то у границ Карачаево-Черкесии, не является рекой первой величины. Но посмотрите на карту Ставропольского края, и вы увидите, как упорно и настойчиво, через предгорья, поля и пески она пробивает себе путь. И если многие ее подруги безвестно исчезают в песках, Кума стремится вперед и вперед, стараясь достичь Каспийского моря. Упрямая, неукротимая, настойчивая река! Да и люди, поселившиеся на ее берегах, обладают такими же качествами. Они изобретательны и неутомимы в работе, упорны и настойчивы в преодолении трудностей.

Побывайте в городах, станицах, селах, расположенных вдоль Кумы. Вы увидите не только красоту и величие социалистического труда, но и достаток, изобилие, радостную удовлетворенность жизнью.

Здесь, на берегах Кумы, привольно раскинулся город Зеленокумск — административный центр Советского района Ставропольского края. Он утопает в зелени парков, скверов, садов, цветников. Подсчитано, что на одного жителя Зеленокумска приходится 60 квадратных метров зеленых насаждений. Образно говоря, каждый житель города располагает своим небольшим парком. Это очень соответствует названию города.

История Зеленокумска — это прежде всего история двух сел — Воронцово-Александровского и Новогригорьевского.

У истоков создания первых сел в здешних местах мелькают имена царских сатрапов. Им двести лет назад здесь принадлежали не только земли, но и люди — крепостные крестьяне. Но все, что создано на этой земле, является плодами труда народа — его рук, его разума, его таланта.

В 1963 году село Воронцово-Александровское было переименовано в Советское. Два года спустя Президиум Верховного Совета РСФСР своим Указом преобразовал село Советское в город Зеленокумск. В том же году в черту города было включено село Новогригорьевское, по сути, слившееся с Зеленокумском.

В 1981 году Зеленокумску исполняется 200 лет. Он продолжает расти, строиться, благоустраиваться. Юбилей родного города жители его встречают с чувством гордости, что трудятся они во славу своей прекрасной социалистической Отчизны, что маленький Зеленокумск значится на карте великого Советского Союза.

Небольшой степной Зеленокумск не пытается тягаться в славе и громкой известности с большими городами страны. Но у него своя интересная история, самобытная летопись борьбы и побед, прекрасное настоящее и светлое будущее.

Авторы предлагают вниманию читателей очерк об истории и о сегодняшнем дне Зеленокумска.

НА БЕРЕГУ КУМЫ

Река Кума, несущая спасительную влагу в сухие, полупустынные степи, с далеких, незапамятных времен привлекала людей. Здесь они охотно селились и занимались скотоводством. На просторных берегах возникали селения.

Нежданно-негаданно на мирные жилища и пастбища налетали воины кочующих племен. Все, что создавалось десятилетиями, мгновенно становилось прахом. Кочевники истребляли, полонили оседлых скотоводов, разрушали их нехитрые жилища, угоняли скот.

Шло время. Проходили десятки, сотни лет. И опять на берегах Кумы синели дымки новых поселений, а в степи возникали и множились стада. Паслись кони, овцы, коровы. Люди радовались, что обрели мир и покой на тихой реке, вокруг которой безбрежно расстилаются степи, поросшие густой и сочной травой.

О тех далеких, почти безвестных для нас временах свидетельствуют лишь курганы и могильные холмы скифо-сарматских поселений. О них напоминают найденные в степи железные наконечники стрел и копий, предметы древнего быта.

Многие археологические находки говорят о том, что вдоль Кумы в IV—VI веках нашей эры жили аланы. Но пришел тринадцатый век, и кочевые монголо-татарские полчища, уничтожившие все на своем пути, разбили алан. На три века владыкой вод и земель в низовьях Волги и Дона стало золотоордынское ханство.

Во время раскопок в карьере Зеленокумского кирпичного завода нашли остатки скелетов многих видов таких

животных, которые в наши дни считаются доисторическими. Так, в этом карьере был найден череп громадного носорога — эласмотерия, который обитал в Европе около миллиона лет назад. Выходит, задолго до появления человека текла в степи Кума, и стада диких животных пили воду из этой тихой реки.

Словом, бездонна та глубь веков, когда текущая с гор Кавказа река Кума стала в здешних краях поилницей и кормилицей всего живого.

Подробнее следует рассказать о тех временах, когда прекрасные прикумские степи вдруг «открыло» для себя российское самодержавие. В те времена, по указу, подписанному в конце XVIII века, началась щедрая раздача кавказских земель помещикам. К этим бескрайним степям потянулись и руки царских сановников. Так, именитый феодал граф А. Р. Воронцов, владевший громадными земельными угодиями во многих губерниях России, и на Кавказе урвал богатый куш.

По указу императрицы Екатерины II в 1788 году А. Р. Воронцову была отмежевана земля в Георгиевском уезде «...ниже села Отказного, по правой стороне реки Кумы». Граф Воронцов получил более пятнадцати тысяч десятин прикумских степей. Еще ранее здесь существовало поселение, основанное в 1781 году отставными солдатами. Конечно, солдаты покорно освободили графский надел, переселившись в соседние хутора и села.

О дате основания поселения сообщается в статистико-географическом путеводителе по Ставропольской губернии на 1883 год, ее называет исследователь А. Твалчрелидзе в справочнике «Ставропольская губерния в статистическом, географическом и сельскохозяйственном отношениях», изданном в 1897 году. Есть и другие источники со ссылками на 1781 год.

В 1789 году в «кавказскую деревню» Воронцова были переселены первые 48 крепостных крестьян из воронежского имения графа. Село росло быстро. Сюда на-

правлялись переселенцы из других имений Воронцовых (они имели владения в шестнадцати губерниях России). Уже в 1801 году здесь насчитывалось 300 дворов с населением в 1690 человек, а в 1844 году — 3558 душ, 552 двора. Это уже было огромное по тем временам селение, где протяженность улиц составляла целых три версты.

«Кавказская деревня» Воронцовых вначале называлась слободой Александровской. Позже за ней утвердилось название Воронцово-Александровское.

Любопытно, что в эти же годы начинает быстро заселяться и левый берег Кумы. Против Воронцово-Александровского вырастает на казенной земле село Новогригорьевское. Его создают и заселяют крестьяне однодворцы из Малороссийских губерний.

«Вольные» земли на Кавказе влекли многих людей. Во-первых, крестьяне получали тут по 12 десятин на душу. Земли, правда, были солонцеватые, мало пригодные для посевов. Но крестьян радовало уже то, что теперь у каждой семьи был «свой» надел, а начальства на первых порах здесь было мало. Конечно, с прибытием новых переселенцев земельный надел все уменьшался и к 1844 году сократился вдвое — на ревизскую душу приходилось только 6 десятин. А поток переселенцев все увеличивался.

Воронцов не торопился распахивать степные земли. Его интересовали громадные равнинные луговые пастбища. Он заложил в 1792 году в Александровке конный завод. И это не случайно.

Надо помнить, что в те времена в районе Георгиевска проходил левый фланг Кавказской военной линии. В армии был постоянный спрос на лошадей.

Конный завод обещал хозяину большие прибыли. И новый коннозаводчик, приобретая породистых лошадей, возводил просторные конюшни. В штате завода, кроме кошохов и ветеринаров, появились шорники, слесари и

другие специалисты. Крестьян из Александровки направляли «в науку» на конный завод графини Орловой, где умели «образцово выращивать лошадей».

Завод расширялся. Ему теперь были нужны не только обширные пастбища, но и большие запасы кормов на зиму. На крестьян легла повинность регулярной поставки заводу сена.

Граф Воронцов показал себя предприимчивым и оборотистым дельцом. Он построил пять мельниц и сдавал их в аренду местным крестьянам. Воронцову же мельницы давали «прибавление доходов». С этой же целью в новом имении было построено 16 мастерских по выделке кож.

Крестьян же Воронцов обложил большим оброком, размеры которого год от года росли. Высокий оброк разорял крестьян. Они просили помещика «умерить тяготы». Но где там!

Мало того. Кроме денежного оброка крестьяне несли еще и натуральные повинности: бесплатно исправляли постройки на конном заводе и в барском доме, из года в год заготавливали для поместья дрова, поставляли заводу сено.

В ту пору существовали еще так называемые подводная и постоянная повинности. Слобода, как известно, находилась в черте Кавказской оборонительной линии, и еженедельно приходилось снаряжать от 100 до 120 подвод для переброски войск и содержать на постое солдат. Да, кроме того, нужно было постоянно выделять лошадей для перевозки почты.

Не считая оброка, крестьяне слободы ежегодно затрачивали 27 415 рублей на исполнение повинностей. На душу населения это составляло 4 рубля.

Кроме этих, учитываемых казной сборов, было немало поборов тайных, нигде не записываемых и никем не учитываемых. Приказчики и разного рода земские начальники требовали взятки. Кавказское имение Ворон-

цова было расположено далеко от центральной вотчинной конторы, что находилась в Москве. Ревизии здесь бывали редко. Произвол местных мздоимцев и хапуг был по существу безграничным.

Управляющий некий Носов, как сообщалось в жалобе, с 1818 по 1823 год растратил 12 тысяч рублей «господских денег, а сколько брал лишнего с миру, то не учтено. За рекрутов брал лишнее, за выдачу паспортов для отхожих промыслов брал лишнее, а сколько перебрал с крестьян денег в виде разных штрафов, того и сказать трудно».

Как видим, в ту пору одни ехали сюда, чтобы работать, другие — чтобы поработать народ, а третьи — просто обкрадывать трудовой люд. И хуже всего жилось тем, кто приехал с простой мыслью — хорошенько поработать, чтобы поправить свои дела. Никакой поправки не происходило. С каждым годом жилось все хуже и хуже.

Все сборы, которые налагал помещик, крестьяне должны были платить в срок. Особой инструкцией 1801 года управляющему давалось право «укрывающихся от взносов и податей отдавать в рекруты без зачета или отдавать на поселение». Кстати, рекрутскую повинность все крестьяне несли на общих основаниях, по жребию. Но состоятельные крестьяне, как правило, откупались от этой повинности, уплачивая за рекрута 200—300 рублей. Долгая и тяжелая служба в армии страшила людей. Сохранился, например, такой документ. «Крепостной Тимофей Колодяжный, чтобы избавиться от рекрутчины, отрубил себе пальцы рук и ног. Будучи представленным по очереди, оказался негодным, причем комиссия засвидетельствовала «полное увечье».

Ну, а как поживали крепостные люди и вольные хлебопашцы?

Одни упорно занимались земледелием, хотя сами же признавали, что хлеб на солончаковой почве родится

скудный. Сеяли озимую пшеницу, овес, просо, ячмень, лен. Но урожай не радовал.

Правда, немало было и таких, которые продавали свой земельный надел и принимались за ремесла. Самым доходным считалось изготовление колес, повозок и фур. В них нуждалась армия, их охотно покупали торговцы хлебом и скотом. Из леса, купленного в Моздоке, местные мастера делали такие прочные колеса и повозки, что много лет ездили на них люди по всему Кавказу, в Москву, Петербург, на Урал, а транспорту все износа не было. Только плохо кормило ремесло самих мастеров. Ведь продавали свои изделия не они сами — это делали оборотистые богатеи, которые за повозку платили мастеру гроши, а с тех, кто занимался извозом, драли втридорога.

Кто-то пробовал плотничать, кто-то начинал заниматься сапожным делом. Но и эти ремесла не давали возможности простому труженику свести концы с концами.

Хорошие доходы получали те из крестьян, кто скопил денег на волов и фуру и начинал заниматься извозом. Возили зерно, соль, а осенью из Кизляра возили вино. Доход был неплохой. Но где наскребешь денег на пару добрых волов и на хорошую повозку? Такой расход был далеко не каждому по плечу.

Шло расслоение на богатых и бедных. В 1808 году в Александровской слободе числилось 19 дворов бобылей. Чем дальше, тем их становилось все больше. О положении этих людей управляющий писал в Московскую домовую контору: «Хозяйство их захирело, избы плохо устроены, а сами они ходят зажинать от снопа у богатых крестьян или к ним в работники нанимаются и целиком зависят от богатых».

Законы царизма были неумолимы к бедноте. Если ты бедный, неимущий, то и не суй свой нос в дела общества. Не случайно ведь один из ревизоров писал в 1844 году:

«Мир крестьянский и почтенные старики для помощи управляющему — представители от богатых. Бедные своих представителей не имеют и не имеют ни веса, ни голоса при обсуждении общественных нужд».

Ревизор этот не спорил, не возмущался, не предлагал каких-то своих мер. Он констатировал факт: богатые устраняют от общественных дел бедных.

Это была правда, но еще не вся правда. Сохранились документы, подтверждающие, что вотчинная администрация в слободе Александровской широко применяла телесные наказания. Так, жалуясь на взяточника управляющего Носова, крестьяне в 1823 году сообщали, что они не могут описать все побои, которые управляющий и писарь чинят «своеручно». Из домовой конторы что в Москве, на эту жалобу пришел ответ, где указано, что приказчик не в меру бьет крестьян. Значит, бить было можно, но «в меру». А где она, эта мера?

В 1828 году недомки крестьян села Новоигорьевского составили 5600 рублей. Для выколачивания долга была назначена экзекуция. Крестьяне были выпороты розгами якобы... за колдовство.

Ну, а у тех, кто богател, были свои заботы: надо прикупить земли, нанять безземельных бобылей для распашки и уборки урожая, для присмотра за стадами крупного рогатого скота, за отарами овец. В одном сообщении из Александровки за 1844 год говорится, что в селе есть такие крестьяне, которые могли без ущерба для своего хозяйства выставить от 20 до 30 воловьих фур. Такие богатеи брали подряды для перевозки грузов на дальние расстояния и постоянно заключали сделки с комиссионерами.

Доходным было кожевенное производство. В конце 30-х годов XIX века среди крепостных Воронцова выделялись 20 семей, занимавшихся кожевным делом. На этих заводах зачастую работали вольнонаемные и местная беднота.

По так жили лишь немногие. В своей массе крестьянство бедствовало, втайне надеясь на «волю», которую якобы подарит крестьянам царь.

В 1861 году было отменено крепостное право. Однако долгожданной свободой крестьянам это не принесло. С разных концов Ставрополя в губернское по крестьянским делам присутствие стали поступать тревожные сигналы. Так, в слободе Александровской крестьяне отказались исполнять господские работы. Они не подписали так называемую уставную грамоту. Уполномоченные от крестьян объявили, «...что особенной претензии против уставной грамоты не имеют, но подписать оной не могут, ибо ожидают другого Высочайшего повеления с новыми в пользу их льготами». Да и пятигорский мировой посредник доносил, что по поводу введения в действие уставной грамоты в слободе Александровской «продолжают существовать ложные надежды на новую волю».

Конечно, никакой «новой воли» крестьянам не дали. Они бунтовали несколько лет. Сборщиков податей нередко встречали палками, камнями и топорами. Большими толпами крестьяне угрожали волостному старшине.

В 1863 году командующий войсками Терской области приказал командировать три сотни казаков для подавления крестьянских выступлений в слободе Воронцовке. А наиболее активных крестьян, «замеченных в подстрекательстве односельцев своих к неповиновению и беспорядкам» по распоряжению наместника Кавказского было решено сослать в Тамбов «впредь до назначения места жительства в одной из отдаленных губерний». Пятеро крестьян Александровки были сосланы за неповиновение властям. А двоих крестьян села Новогригорьевского выслали в Сибирь за участие в масловокутском восстании (с. Стародубское). Это восстание оставило значительный след в освободительной борьбе на Северном Кавказе.

По уставной грамоте крестьяне слободы Александровской получили земельный надел на душу 5 десятин вместо 8 десятин. Во владении помещика остались покосы по берегам Кумы, право добывать полезные ископаемые, если они окажутся на крестьянских землях, ловить рыбу и использовать лучшие лесные массивы.

В результате реформы часть крестьян осталась безземельной. Остальным пришлось выкупать солончаковые малоурожайные земли по высокой цене. Выкупные платежи крестьяне платили вплоть до Великого Октября.

* * *

Пореформенный период для Воронцово-Александровского и Новогригорьевского характерен быстрым ростом товарно-денежных отношений. В то же время резко ухудшилось и без того бедственное положение массы крестьян.

Воронцово-Александровское становится своеобразным торговым центром окрестных степных сел. Два раза в год — весной и осенью — здесь устраивались ярмарки. Шла оживленная торговля хлебом, шерстью, скотом, изделиями ремесленного производства.

Село Воронцово-Александровское располагалось глубоко в степи, далеко от путей сообщения и крупных торговых центров. Владикавказские, пятигорские и ставропольские купцы быстро облюбовали это село. Они здесь открыли лавки по продаже тканей, галантерей, сахара, железа.

Бурило росло и расположенное на противоположном берегу Кумы село Новогригорьевское. В 1870 году в Новогригорьевском было 23 торговых и промышленных заведений. Сюда входили не только цехи и мастерские, но также питейные дома и амбары для ссыпки зерна.

Купечество наживалось, крестьянство нищало. Так, в 1895 году в Воронцово-Александровском 297 крестьян

янских дворов совсем не имели скота. Рабочих волов не было в 1052 дворах, 577 дворов не имели лошадей, 429 дворов имели по одной лошади. В то же время пятая часть дворов имела 90 процентов всего рабочего скота.

Несколько слов о культуре, вернее, о бескультурье, в каком вынужден был жить тогда трудовой люд.

В течение ста лет жители Воронцово-Александровского не получали медицинской помощи. Век спустя, по данным 1883 года, жителей этого огромного села лечили фельдшер и повивальная бабка. Помещения для приема больных не было, поэтому больные приходили на квартиру фельдшера или же он посещал больных на дому. Неудивительно, что инфекционные заболевания здесь распространялись очень быстро и уносили много жизней. Часто свирепствовали скарлатина, оспа, корь, тиф.

И еще один бич угнетал сельчан. Это — безграмотность. Долгое время единственной учебной книгой был псалтырь. Лишь в 1872 году в Воронцово-Александровском открываается одноклассное училище. К 1906 году в селе было 12 одноклассных и двухклассных школ, из них 5 церковноприходских. Школами именовались маленькие классные комнаты, куда с трудом втискивалось 15—20 учеников. И неудивительно, что основная масса крестьян оставалась неграмотной всю жизнь. В 1895 году в Воронцово-Александровском грамотные мужчины составляли 7,4 процента, а женщины — 3,1 процента. Тут надо сделать оговорку. Люди, которых считали грамотными, могли еле-еле расписаться. По-настоящему грамотных тогда набралось бы, может, по одному на сто человек.

Существовала народная библиотека, которая содержалась на пожертвования населения. В ней насчитывалось 330 книг, главным образом, религиозного содержания. Были маленькие библиотеки при школах.

Шло время. Развитие торговли и ремесел потребовали специально подготовленных людей. В 1898 году в Воронцово-Александровском открылась ремесленная школа. В ней обучали слесарному, кузнечному и столярному делу. Учились здесь дети зажиточных слоев.

Первая русская революция 1905 года вызвала и в Воронцово-Александровском бурные события. Крестьяне отказались подчиняться местным властям. На одном из митингов за революционную пропаганду был арестован А. Г. Бондарев. Большая толпа крестьян «силою заставила освободить арестованного, а над приставом соби- рались учинить насилие».

Летом 1906 года крестьяне собрались на митинг, на котором выработали наказ крестьянским депутатам Государственной думы. В наказе были предъявлены экономические и политические требования: передача земли без всякого выкупа, «освобождение из тюрем и ссылки всех страдающих за народное счастье», всеобщее и бесплатное обучение и т. д.

Обстановка на митинге была накаленной. После संबодолобивых речей молодежи пела революционные песни — «Вы жертвою пали» и «Марсельезу».

Этим летом уездный земский начальник докладывал Ставропольскому губернатору: «Село Воронцово-Александровское представляет из себя крупный торговый центр, где помимо всяких приказчиков и служащих большинство населения занимается кустарным промыслом... Население... теперь уж вконец развращено. На стражников я не возлагаю особой надежды». Единственным средством «отрезвить» население и изъять «порочный элемент» земский начальник считал военную силу.

На митинге в августе 1906 года ораторы призывали не платить податей и не давать рекрутов. Призывали вооружаться и объединяться для всеобщего восстания, «тогда ни полиция, ни солдаты, ни казаки не победят».

В сентябре в Воронцово-Александровское прибыла рота солдат Апшеронского полка и сотня казаков. Но присланные войска оказались ненадежными. Они заявили, что «стрелять в крестьян не будут, а если казаки начнут делать это, то они сами перестреляют казаков».

Но как бы то ни было, а все сельские активисты были арестованы и высланы за пределы Ставропольской губернии. Крестьянское движение в Воронцово-Александровском стало слабеть.

* * *

В последующие годы, когда революция пошла на спад, усилилась эксплуатация крестьян. Все развитие экономики в Воронцово-Александровском и окрестных селах шло благодаря усиленному нажиму на крестьян, ущемлению их и без того куцых прав.

Главным богатством здешних мест становился хлеб.

Журналист С. Васюков в очерке «В степях Северного Кавказа» (опубликован в журнале «Вестник Европы» за июнь 1908 года) писал: «Вся жизнь в степи, все ее интересы в настоящем и будущем, тесно связаны с полновесным, золотым, блестящим зерном. Здесь, в этом краю, действительно громадное значение имеет урожай. Все живет и дышит этим волшебным словом. В этом краю вместо обыкновенного приветствия говорят: «А какой у вас урожай?». Да, здесь все дышит хлебом! Сколько народа при этом хлебе состоит! Сколько паразитов кормится вокруг благодатного зерна!»

Много, очень много паразитов кормилось за счет крестьянина-хлебопашца. Три десятка скупщиков зерна и скототорговцев в Воронцово-Александровском и Ново-григорьевском считали себя подлинными хозяевами жизни. Самую крупную торговлю хлебом развернул торговый дом «Кашенко и сыновья» в Воронцово-Александровском.

Тихим, незаметным мужичком появился в Воронцово-Александровском Дмитрий Кашенко, купец второй гильдии. Ходил Кашенко по селу, присматривался, приторговывался. Золотые рубли носил в кармане туго завязанными в тряпочку. Чтобы не звенели, не привлекали внимания посторонних. Главный свой капитал Дмитрий Кашенко хранил в окованном железом сундучке.

Перво-наперво купец построил на базарной площади два амбара для ссыпки хлеба. Кашенко любой хлеб принимал охотно. Для него мешки с зерном сочлись чистым золотом.

Ничем не гнушался хозяин двух зерновых амбаров. Неграмотных обсчитывал, пропустивших срок изъятия хлеба штрафовал, самовольно завышал стоимость хранения хлеба. Все сходило с рук.

И вот уже Кашенко открыл в селе новые склады. Он принимал на хранение не только зерно, но также шерсть и кожи. И не только хранил, но и покупал-продавал. Торговый дом Кашенко монополизировал закупку зерна, шерсти, кож в Воронцово-Александровском, Ново-григорьевском и многих других окрестных селах. Оборот торгового дома составлял уже около 2 миллионов рублей в год.

Давно забыл Кашенко ту засаленную тряпочку, в которой когда-то туго завязывал золотые монеты. И сундучок, окованный железом, выбросил в кладовку. Все это заменила чековая книжка. Уже не пешком, а на шинкарной тройке раскатывал Кашенко по селу, по уезду, по дальним городам. По звону колокольчиков люди узнавали издали: «Сам Кашенко едет!»

Вот тогда-то и был построен тот просторный, сейчас несколько старомодный дом, в котором в наши дни разместились Зеленокумская музыкальная школа. Посторонних и близко не подпускали к этому дому. И не к одному ему. Появилось много таких домов и мест, где людям простого звания — мужикам, рабочим, кучерам —

появляться было запрещено. Даже шоссе, ведущее в Ворошиво-Александровское, богатые построили только для себя. А рядом с блестящим на солнце, чистеньким и удобным шоссе, замкнутом перекладинами, чтобы на него не заехали посторонние,—рядом с этим шоссе, в низинке, лежала никогда не просыхающая грунтовая дорога, где в грязи то и дело увязали телеги крестьян.

Все дела на селе решали «почетные граждане» — торговцы и кулаки. На сходе право голоса из 15 090 жителей имели только 1 478 человек.

Социальные противоречия постоянно обострялись. Нарастал новый революционный взрыв. Он грозил смести с лица прикумской земли богатеев-эксплуататоров.

В БОРЬБЕ ЗА НОВУЮ ЖИЗНЬ

Первые прикумские капиталисты еще набирали силу, наращивали свои прибыли, бредили новыми крупными сделками, рассчитывали содрать с народа семь шкур. Но время капитализма уже близилось к концу.

Зрели гнев и ярость народа. Революционная буря зарождалась в селах и станицах прикумских степей, как и повсюду в России.

В феврале 1917 года свершилась вторая буржуазно-демократическая революция. Она не удовлетворила требований трудовых масс, не разрешила противоречий между богатыми и бедными.

На Северном Кавказе, как и по всей стране, произошло резкое размежевание борющихся сил: помещики, кулаки, богатое казачество и мещанство составили оплот контрреволюции, а пролетариат, трудовое крестьянство, казачья и ремесленная беднота становились на сторону большевиков, на путь социалистической революции.

Деревня не желала мириться с существующими по

рядками, выражала недоверие Временному правительству, порицала его как антинародное. Летом 1917 года в некоторых селах Медвеженского и Свято-Крестовского уездов (в состав последнего входили Воронцово-Александровская и Новоигорьевская волости) крестьяне самочинно захватывали и делили земельные участки, леса и выгоны крупных частновладельцев и церкви, изгоняли чиновников, разоружали полицию, отказывались платить налоги, создавали крестьянские комитеты.

В этих условиях большевики укрепляли свои позиции на местах, разоблачали соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, влияние которых еще было очень сильным в крестьянских массах.

В конце октября 1917 года возникла партийная организация в городе Святой Крест (сейчас Буденновск), ставшая одним из самых больших и боеспособных партийных отрядов губернии. Затем были зарегистрированы партийные организации в ряде сел, в том числе и Ворошиво-Александровском.

Осенью 1917 года грянул гром Великого Октября. 30 декабря в Ставрополе, на IV губернском крестьянском съезде была единогласно принята резолюция, предложенная большевиком Г. А. Анисимовым об установлении в губернии Советской власти.

На этом съезде полную победу одержала линия большевиков. Их успех отражал огромные сдвиги в классовом самосознании трудового крестьянства. Постоянная и неутомимая работа партии в массах давала отрядные плоды.

31 декабря открылось губернское Народное собрание. По своему классовому составу оно было антипартийным и, конечно же, сразу заняло контрреволюционные позиции. Надо было не допустить принятия антинародных решений против Советской власти. Для этого по предложению большевиков крестьянский съезд постановил всем своим составом влиться в губернское собрание.

Ход был верным. Делегаты крестьянского съезда оказали решающее влияние на работу Народного собрания.

Народное собрание установило в губернии власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и направило приветственную телеграмму В. И. Ленину. В ней было дано клятвенное обещание беспощадно бороться с контрреволюцией и всемерно укреплять Советскую власть.

В работе IV губернского крестьянского съезда активно участвовали депутаты от села Воронцово-Александровского — Я. П. Ерещенко, П. П. Ерещенко, Я. О. Голушко, В. У. Звоник, от села Новогригорьевского — П. Г. Собенко.

В конце января 1918 года в городе Святой Крест был созван Первый уездный съезд Советов. Он избрал уездный исполком и совнарком. Но влияние мелкобуржуазных партий в то время было сильным. Совет возглавили эсеры и меньшевики. Оказавшись у власти, они всячески препятствовали осуществлению декретов Советского правительства и организовали в городе Святой Крест кулацкий мятеж.

Расчет мелкобуржуазных партий на то, что мятеж запугает большевистски настроенные массы трудового народа, оказался глубоко ошибочным. Мятеж был быстро подавлен. Вскоре открылся Второй уездный съезд Советов. Состав этого съезда был большевистским, и решения, принятые на нем, отвечали главным требованиям партии большевиков...

Казалось бы, теперь власть Советов в губернии обожилась прочно. Но не так просто было лишить буржуазию и церковников былых привилегий, бывшего богатства, бывшей власти над угнетенным народом. «Бывшие» не дремали. Они всюду рассылали своих агентов, лазутчиков, плели сети заговоров. Они и не думали сдаваться.

Потерпев поражение на Втором уездном съезде

Советов, контрреволюционеры всех мастей разъехались по селам и вновь подняли кулацкий мятеж.

Центром мятежа оказалось село Воронцово-Александровское, а организаторами его были местные кулаки и торговцы, священнослужители, зажиточная верхушка сел Новогригорьевского, Солдатско-Александровского, Стародубского, Томузовского и Чернолесского.

Мятеж был тесно связан с кулацко-эсеровскими мятежами в стране, с антисоветскими выступлениями империалистического ставленника на Тереке Г. Бичерахова и с готовившимся офицерским мятежом в Ставрополе.

Кулаки и торговцы, затаившиеся жандармы и урядники ждали своего часа. Объединившись под лозунгом контрреволюции, они обманым путем вовлекли в банды, щедро субсидированные деньгами зерновых воротил, часть ремесленников, бедных и средних крестьян. Двумя колоннами мятежники двинулись на город Святой Крест, неся с собой смерть и разрушения.

Большевики уезда не желали ненужного кровопролития. Уком партии, руководимый П. Г. Примой, принял решение попытаться агитационной работой убедить крестьян и ремесленников в том, что их обманули, что встали они на защиту чуждых им интересов.

Накануне мятежа большевики уезда направили в Воронцово-Александровское делегацию в составе командира боевого отряда села Архангельского А. Г. Семенова и часть его красногвардейцев, командира Свято-Крестовского запасного полка П. М. Черникова и комиссара по народному образованию уезда И. И. Лыхова. По допусу белобандиты арестовали большевиков и заключили в новогригорьевскую тюрьму.

Пока члены делегации находились в застенках, мятежники захватили все села на пути к уездному центру и ворвались в город Святой Крест. Здесь они учинили жестокую расправу над пленными красноармейцами,

их семьями и советскими работниками. Виселицы и трупы оставались на пути следования особо зверствовавшего офицерского отряда.

Расправились белобандиты и с попавшими в их руки большевиками Прикумья. П. М. Черников, И. И. Лыхов, А. Г. Семенов были зарублены на площади в Новогригорьевском.

В результате буржуазно-кулацкого мятежа погибло около тысячи красноармейцев и активистов из числа бедноты.

Почти каждая бедняцкая семья уезда потеряла по одному-два человека. Иван Михайлович Каторгин, член КПСС с 1919 года в своих воспоминаниях писал, что в селе Солдато-Александровском кулачье убило на площади бедняка Александра Бондарева, активного участника революции 1905 года. Убили за правду. Бондарев открыто высказал кулакам, «что их песенка спета и что власть теперь безвозвратно взяли в руки рабочие и бедные крестьяне».

Но не успели мятежники отпраздновать победу, как по железнодорожной ветке подошел бронепоезд № 25, присланный командиром Пятигорского боевого участка А. М. Беленковичем. Под прикрытием бронепоезда прибыл конный отряд красногвардейцев, только что отбивших налет белобандитов на Георгиевск. Первый снаряд бронепоезда ударил в колокольню Новогригорьевской церкви. В стане мятежников началась паника. Большинство их разбежалось. Красногвардейцы, руководимые братом казненного П. Черникова Н. Черниковым (впоследствии председатель ЧК уезда), вступили в села.

Кулацкий мятеж был подавлен. Но он показал, что враги Советской власти накапливают силы, готовятся к упорной борьбе.

К середине лета обстановка на Северном Кавказе крайне осложнилась. В июле 1918 года основные силы «добровольческой» армии Деникина, поддерживаемые с

юга бандами Шкуро, начали наступление на Ставропольскую губернию. Одновременно вспыхнули контрреволюционный мятеж белоказаков во главе с меньшевиком Г. Бичераховым. Создалась прямая угроза существованию Советской власти на Тереке и Куме.

В этих условиях коммунисты выступили организаторами массовой народной борьбы против белогвардейщины. Повсеместно стали возникать партизанские отряды. Они не давали покоя врагу, нанося ему неожиданные удары в разных местах и в разное время. Но силы партизан и красногвардейских отрядов были разрозненными. Они не могли долго противостоять хорошо обученным и превосходно вооруженным армиям белых.

Встал вопрос об организации на территории губернии и всей Северо-Кавказской Советской республики (была образована в июле 1918 года) регулярных частей Красной Армии. К концу августа организовали Георгиевский боевой участок (командирами его сначала были А. Беленкович, М. Г. Ильин, а затем В. И. Кучура) и Свято-Крестовский — под командованием С. С. Чугуева.

Неимоверных усилий, огромнейшего напряжения требовала тогда военная обстановка от местных партийных организаций. Трудными и опасными были обязанности коммунистов. Но это не останавливало мужественных бойцов партии, преданно служивших революции. Партийные организации продолжали действовать, бороться; их ряды пополнялись. В конце 1918 года в Свято-Крестовской уездной партийной организации состояло 230 коммунистов, в Воронцово-Александровской — 106, в Солдато-Александровской — 50.

Решительно действовали коммунисты Пятигорья и Прикумья. Их задача была — разгромить банды полковника Агоева и генерала Вдовенко, действовавшие под Георгиевском и в Пятигорье, уничтожить мятежные отряды Г. Бичерахова на Тереке.

В начале ноября 1918 года части Красной Армии начали общее наступление.

После тщательной подготовки войска Георгиевского боевого участка в первых числах ноября при поддержке бронепоезда № 25 обрушили огневой шквал на противника. Спротивление белоказачьих войск было сломлено. 9 ноября красновардейские части заняли Прохладную, а 24 ноября был взят Моздок—оплот бичераховщины.

Во взятии Моздока активно участвовали и бойцы Свято-Крестовской дивизии под командованием С. Чугуева и П. Щипанова.

Чрезвычайный комиссар Юга России Г. К. Орджоникидзе горячо поздравил части Красной Армии с победой. В его телеграмме начальникам Шариатской колонны, Свято-Крестовской дивизии и Георгиевского боевого участка говорилось: «Передайте наш товарищеский братский привет славным героям красноармейцам, сокрушившим гнездо терской контрреволюции—Моздок. Товарищи! Вы своим мощным ударом нанесли смертельный удар бичераховским офицерским бандам. Вы освободили трудовое казачество от гнета генералов и полковников. Вы доказали всей Терской области, что Советская власть непобедима. Продолжайте, товарищи, свое славное дело освобождения трудящихся, протягивая братскую руку трудовому казачеству».

2 января 1919 года во Владикавказе состоялся II Чрезвычайный съезд коммунистических организаций Северного Кавказа, на котором присутствовал 31 делегат, в том числе шесть—от Ставропольской губернии. Среди них был делегат Зайцев от Воронцово-Александровской партийной организации.

В конце 1918 года бои на территории Ставрополя разгорелись с новой силой. XI Армия, сформированная в октябре 1918 года, занимала наиболее важный участок на всем протяжении Каспийско-Кавказского фронта.

Она создавала постоянную угрозу тылу «добровольческой» армии и войскам интервентов. Поэтому враг бросил против нее свои лучшие, наиболее боеспособные части.

Силы были неравными. В середине января 1919 года белым удалось прорвать фронт между Святым Крестом и Георгиевском. Под давлением превосходящих сил противника части XI армии, ослабленные боями и эпидемией тифа, стали отходить в район Святого Креста и на линию Моздок—Кизляр, а затем на Астрахань.

Захватив Северный Кавказ, «добрармия» Деникина повсюду восстанавливала старые царские порядки, власть эксплуататоров. Дикими расправами над населением, насилиями, угрозами, реквизициями, мобилизациями и оголтелой антисоветской пропагандой белые стремились притупить сознание трудящихся, заставить их отказаться от борьбы. Но белогвардейские планы «умиротворения» с помощью огня и меча не осуществились.

Крепли партизанские отряды. В прикумские плавни и леса уходили тысячи бойцов-партизан, в том числе сотни воронцовоалександровцев и новогригорьевцев.росло сопротивление всего населения оккупированных сел.

Рано утром 28 марта 1919 года началось восстание в селе Воронцово-Александровском. В сохранившемся протоколе судебного следователя второго участка Свято-Крестовского уезда об этом сообщается следующее: «Сего числа в 4 часа утра по селу послышалась ружейная стрельба—пачками и отдельными выстрелами, а вместе с тем набатный звон со всех сельских церквей. Выйдя на улицу, от жителей, в панике выбегавших из домов и бегущих с площади, я узнал, что группа лиц, вооруженных винтовками и револьверами и имеющих на руках красные повязки, освободила заключенных из сельской тюрьмы, обстреляла квартиры офицера Боб-

кова и начальника 4-го участка, и что целью этих лиц является установление упраздненной Советской власти...»

Весной 1919 года в местах, прилегающих к Воронцово-Александровскому и Отказному, образовались небольшие группы партизан. Они именовали себя «зелеными». Руководителями воронцовской группы «зеленых» были сын кустаря-сапожника Павел Литвинов и его друг Иван Журавлев. Молодые, полные боевого задора и ненависти к белым палачам, они, к сожалению, не имели организаторской, боевой и политической подготовки.

В группу, руководимую Литвиновым и Журавлевым, вступило до двадцати человек. Но среди них оказалось только несколько бывших красноармейцев — Ф. Мурашко, Т. Стукал, С. Оголенко и А. Мурашко. Остальные не владели боевым опытом.

Однажды «зеленые» совершили успешный налет на Воронцово-Александровское. Разогнав стражу, захватив волостное правление, водрузив над ним красный флаг и освободив заключенных из тюрьмы, повстанцы не знали, что делать дальше. Контакт с населением у них не было.

К полудню белые, получив подкрепление из Святого Креста, начали наступление от железнодорожной станции и выбили партизан из села. Часть из них спряталась по дворам, остальные ушли в лес. Журавлев, отбиваясь от наседавших на него стражников, забежал в крестьянский двор и спустился в колодец. Там его и застрелили враги. В одну из лесных облав был схвачен и повешен руководитель восстания Литвинов.

Тринадцатого апреля началось восстание в селах Новогригорьевском, Отказном и Солдато-Александровском. Продолжалось оно шесть дней. Крестьяне изгнали из сел белогвардейские гарнизоны, волостных старшин и приступили к восстановлению советских порядков.

Волнения в селах были жестоко подавлены карательными экспедициями.

Но чем больше зверствовали денкинцы, тем активнее разворачивали свои действия партизаны Прикумья. «Красные камышанцы» успешно боролись у сел Величавского и Урожайного, постоянно беспокоили противника у Святого Креста, Отказного, Солдато-Александровского и в лесах под Георгиевском.

По всему Прикумью разрасталось движение трудящихся против белогвардейщины. Из камышей и лесов партизаны нападали на гарнизоны денкинцев, не давая покоя ни днем, ни ночью. «Деятельность крестьянских и повстанческих отрядов в районе Святого Креста оживилась, — писала в те дни «Правда». — Повстанцы ежедневно терроризируют Деникина. Ни карательные экспедиции, ни агитация ему не помогают».

В конце 1919 года части Красной Армии начали бои за освобождение Ставропольской губернии. В ее пределы вступил Кавказский экспедиционный корпус. 19 января 1920 года полки святкрестовской группы во главе с П. П. Полешко, в составе 229-го стрелкового полка Горностаева и кавалерийской бригады В. Ф. Водопьянова при участии прикумских партизан заняли город Святой Крест.

Части левого боевого участка под командованием В. И. Кучуры в это время начали наступление из села Архангельского на Воронцово-Александровское. Чтобы облегчить успешное продвижение советских войск в тыл противника были направлены кавалерийские полки под командованием А. А. Чайко. Такой маневр вызвал панику у врага. Белые в беспорядке отступили в сторону Георгиевска.

1 марта 1920 года Воронцово-Александровское и Новогригорьевское были освобождены. Деникинская армия потерпела полное поражение. Как сообщала газета «Советский Кавказ» в 1920 году, жители сел Воронцово-

Александровского и Новогригорьевского оказывали помощь Красной Армии в снабжении продовольствием. «Обильный приток пожертвований показал, насколько сельское население уезда чувствует живую связь с Красной Армией, видя в ней опору и поддержку Советской власти и защитницу интересов народа».

Активная поддержка наступавших частей Красной Армии со стороны трудового населения Ставрополя привела к полному разгрому белых банд. В конце марта 1920 года вся Ставропольская губерния была освобождена от денкинцев. Повсеместно началось восстановление Советской власти.

В годы гражданской войны сотни воронцовоалександровцев и новогригорьевцев стойко защищали новую жизнь в отрядах И. Кочубея, Ф. Шпака, В. Кучуры. П. Примы, в полках Свято-Крестовской дивизии, в частях XI Армии и Кавказского экспедиционного корпуса. Геройской славой покрыли себя бойцы и красные партизаны, члены партии большевиков В. И. Громак, Н. И. Стаценко, И. В. Горбачев, П. П. Петинин, И. И. Немкин, Т. П. Силаев, И. Ф. Лапша, Т. Д. Григорюк, Ф. Т. Клименко, И. Т. Гнездилов, Т. Л. Хвостов, П. С. Мальков, И. А. Чернов, С. Г. Чернышов, Т. И. Тесленко, Я. А. Чернов, В. П. Захаров и многие, многие другие.

Сразу же после освобождения в селе начал действовать ревком. Первым его председателем в с. Воронцово-Александровском был П. Т. Ульченко.

Борьбу крестьян за восстановление хозяйства возглавили коммунисты. В Новогригорьевском партячейка была образована в апреле 1920 года. Вскоре она насчитывала в своих рядах 60 человек. Первым секретарем ячейки был т. Шербинин.

Коммунисты с большим подъемом работали на субботниках, помогали вовлекать в создание новой жизни широкие массы трудящихся. 21 июля 1920 года явилось знаменательным днем в жизни Свято-Крестовской ор-

ганизации большевиков. В этот день начала свою работу Первая уездная конференция РКП(б).

На конференцию прибыли 102 делегата, представлявших 33 комячейки с 636 членами партии. Конференция открылась исполнением траурного марша в память погибших борцов революции. Траурная мелодия сменялась торжественными звуками «Интернационала».

Несколько дней работала партийная конференция. Она решила много вопросов, связанных с жизнью уезда и самыми насущными проблемами.

В селах стали создаваться коллективные сельскохозяйственные товарищества. В 1920 году в Новогригорьевском была образована сельскохозяйственная коммуна «Пробуждение». В сентябре того же года сельскохозяйственная артель возникла и в Воронцово-Александровском. Председателем ее был избран В. А. Колодяжный.

Артель объединила самые неимущие сельские дворы. В нее вошли 24 семьи (143 человека). В их распоряжении оказалось 33 лошади, 15 коров, 3 верблюда, 9 овец, 22 свиньи и 7 телят. Из сельскохозяйственного инвентаря имелось 16 фургонов, 2 вейлки, 2 сноповязалки, 6 лобогреек, 2 сеялки. В 1921 году артель предполагала засеять 297 десятин земли.

В том же 1920 году в селе было организовано два советских хозяйства, начали работать 6 кожевенных, 4 маслобойных, 2 черепичных и 2 пивоваренных заводов, 4 паровых мукомольных мельницы.

Налаживалась культурная жизнь села. Были открыты библиотека-читальня и народный дом, где устраивались любительские спектакли. В организации и проведении их активное участие принимала бедняцкая молодежь.

Сплочению юношеского движения сельские и городские партийные ячейки уделяли первостепенное внимание. Весной 1920 года было завершено создание губернской организации РКСМ. К началу лета того же года

комсомольские организации уже действовали во всех уездах и волостях губернии, в том числе в Воронцово-Александровской и Новогригорьевской.

Республика Советов еще пылала в огне гражданской войны. В Крыму окопался недобитый барон Врангель. И комсомол лучших своих представителей направил в ряды Красной Армии.

В сентябре 1920 года ушли защищать завоевания Великого Октября комсомольцы села Новогригорьевского Щербина, Собенко, Нестеренко, Христюченко и другие. А в октябре того же года 29 молодых бойцов направила на фронт комсомольская ячейка села Воронцово-Александровского.

Большое значение партийные ячейки придавали организации рабочих по профессиям. Кустари и ремесленники села объединились в профсоюз, который активно боролся за восстановление хозяйства, улучшение условий труда, помогал в укреплении Советской власти.

Газета «Власть Советов» 30 июня 1920 года писала, что в Воронцово-Александровском профсоюзе зарегистрировано до 2000 человек. Работало три мастерских: полотвальная, сапожная и колодочная. Подобрали помещение для профсоюзного клуба, в котором выступал хор из 60 человек и играл струнный оркестр.

В этот же период около 650 семей обслуживались через отдел социального обеспечения. Были открыты приют для сирот и немущих, общежитие, столовая, школа грамоты, детский сад с площадкой. Для беднейшего населения работала пекарня.

Жители сел активно включились в сбор добровольных пожертвований в пользу Красной Армии и бедноты. Та же газета 1 июля 1920 года сообщила, что в Новогригорьевском собрано 95 пудов пшеницы, 18 пудов ячменя, 10 пудов проса; в Воронцово-Александровском — 750 штук яиц, один пуд печеного хлеба, 6 фунтов сала, 4 фунта масла. Беднейшему населению на семена

раздали 620 пудов проса, 52 пуда льна, 79 пудов ячменя.

Партийные и советские органы прилагали максимум усилий для создания лучших условий жизни беднейшим слоям населения. Так, вопросу снабжения беднейшего населения и служащих учреждений обувью был посвящен доклад предисполкома т. Киянова на заседании президиума Воронцово-Александровского волисполкома. Президиум постановил: «Приняв во внимание условия осенне-зимнего периода и то, что беднейшее население и служащие остаются без обуви (по рыночным ценам пара сапог стоит около 1 000 рублей) просить исполком разрешить получить кожевенные материалы из кож, взятых на учет органами ревкома у кустарей, а также выделить часть из количества, вырабатываемого на бывших заводах Пенчука и Склярова».

Работы по восстановлению народного хозяйства развертывались по всей губернии. К началу 1921 года в Воронцово-Александровском уже насчитывались десятки промышленных артелей, в которых действовали цехи: сапожный, кузнечный, кожевенный, шерстяной, шорный, полетовальный, столярный, угольный, деревообделочный, кирпично-черепичный, шубный, игольный, чулочный, шапочный и другие.

Не менее десяти артелей работало в Новогригорьевском.

Однако летом 1921 года молодую Советскую Республику постигло стихийное бедствие. Сильная засуха погубила урожай многих областей и районов. Особенно пострадала Ставропольская губерния и часть Терской. В некоторых губерниях начался голод, остро ощущалась нехватка продовольствия в промышленных центрах страны. Особенно трудно было рабочим Москвы.

Крестьяне и кустари сел Воронцово-Александровского и Новогригорьевского решили помочь рабочим столицы. Весной 1921 года состоялось общее профсоюзное

собрание. Пришли кожевники, шапочники, кузнецы, медники, члены сельскохозяйственных артелей. Собрание открыл председатель сельисполкома Е. Н. Киянов. Выступили: от укома партии — С. С. Чугуев, секретарь Воронцово-Александровской партячейки Г. Л. Жариков, рабочие артелей. Говорили горячо. Решили отделить от своего пайка, кто сколько может. И вскоре начали сбор продуктов. Набралось несколько мешков крупы, масло, мясо, яйца, сало, около девяносто пудов муки.

На следующем собрании выбирали делегатов для поездки в Москву. Нужны были люди надежные, которые доставили бы продукты по назначению, встретились бы с В. И. Лениным, рассказали ему о том, как строят новую жизнь воронцовоалександровцы. Главой делегации единогласно назначили председателя союза кожевников Ф. М. Корниенко. Знали, что не подведет. С девяти лет батрачил. Немало испытал нужды и унижений, сердцем принял Советскую власть. Деникинцы в 1918 году приговорили его к казни и несколько недель держали в камере смертников георгиевской тюрьмы.

Членами делегации стали: от рабочих — И. И. Додонов, от крестьян — Т. С. Мищенко, заместитель председателя сельскохозяйственной коммуны «Пробуждение» и А. Е. Запорожцев.

Трудным был путь делегации до столицы. По дороге бесчинствовали недобитые банды белых, на долгих остановках самим делегатам приходилось смазывать подшипники вагонов, рубить дрова для паровоза, раздвигать толпу. Отправившись в начале июля со станции Карамык, делегация и вагон с продуктами лишь через месяц прибыли на Курский вокзал столицы.

После посещения ВЦСПС и сдачи продуктов, делегаты направились в Кремль. Но увидеться с Владимиром Ильичем Лениным им не довелось — он находился на лечении в Горках. Делегатов встретил заместитель управляющего делами Совета Труда и Оборона по воп-

росам экономического и хозяйственного строительства В. А. Смольянинов. Вадим Александрович усадил гостей и тут же позвонил В. И. Ленину.

В своих воспоминаниях, опубликованных в книге «Ленин с нами», И. И. Додонов писал:

«В. И. Ленин попросил т. Смольянинова передать дружбу одному из нас. К телефону подошел я и доложил о доставке продуктов московским рабочим. Владимир Ильич внимательно выслушал и поблагодарил воронцовоалександровцев за чуткое внимание к московским рабочим».

— А через полчаса позвонили из Горок и продиктовали текст ленинской телефонограммы для передачи в Московский Совет, — вспоминал В. А. Смольянинов в статье «Штрихи великого портрета», напечатанной в журнале «Огонек» в апреле 1957 года.

Вот она, эта телефонограмма, опубликованная в Полном собрании сочинений В. И. Ленина:

«Телефонограмма председателю Московской губкоммун.»

Копия президиуму Московского Совдепа
Наркомпросу. 30 июля 1921 г.

Тов. Смольянинов сообщил мне, что делегация рабочих и крестьян Ставропольской губернии доставила в Москву на мое имя I вагон продовольствия для голодающих рабочих в подарок. Прошу, во-первых, о возможности более быстрого, без всякой волокиты, принятия этого вагона; во-вторых, о направлении его наиболее нуждающимся московским рабочим с обязательным повышением их, что это подарок ставропольских рабочих и крестьян; в-третьих, принять меры к тому, чтобы делегация позаботилась и в смысле ее устройства и в том отношении, чтобы передать ей благодарность Московского Совдепа, и, наконец, снабдить их литературой и дать возможность повидать интересующие их учреждения в Москве.

Об исполнении прошу донести мне немедленно и точно. Ленину»¹.

Телефонограмма — просьба Ильича была выполнена. Делегаты несколько дней жили в гостинице, в центре Москвы. Они посетили фабрики и заводы столицы, побывали в музеях и театрах.

В корреспонденции «Дар рабочих и крестьян» газета «Известия» 2 августа 1921 года писала: «...Президиум Московского Совета, получив... подарок, постановил выразить жертвователям глубокую благодарность».

Провожали гостей из Москвы с почетом. Снабдили газетами, литературой, продуктами на дорогу, послали благодарности руководителям Воронцово-Александровского волысполкома от Московского Совета депутатов Рабочие столицы благодарили ставропольцев за подарки и заверили их, что в кратчайшие сроки постараются восстановить разрушенные войной фабрики и заводы.

До сих пор живет в народе память о том, как возили воронцовоалександровцы хлеб Ленину. И долго будут жить и не умрет она, так как навечно осталась в ленинских строках, в партийных документах.

Борьба с трудностями, вызванными неурожаем и разрухой, сблизила крестьян и рабочих, укрепила связи партячеек, коммунистов с трудящимися. Совместными усилиями удалось приостановить упадок хозяйства, подготовить условия для его возрождения.

Производственные артели, кооперативы, мелкие хозяйства начала 20-х годов были первыми ростками социализма в деревне. Члены первых сельских кооперативов и коммун работали и жили в невероятно трудных условиях, не выпуская из рук винтовок. Нередко коммунары гибли в схватках с бандитами.

Невелика была коммуна «Пробуждение» в Новогригорьевском, расположенная на бывшей поповско-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 80.

земле, немного было в ней членов, первых коммунаров — братья Мищенко, Перерва, Козаре, Барабаш, Лихолет, Голоусенко. Но кулачке понимало, какую грозную силу для них представляет это объединение беднейших хозяйств. Хитростью увели из коммуны ее председателя-большевика, делегата крестьянского губернского съезда, провозглашавшего Советскую власть на Ставрополье, П. Г. Собенко и коммунара Ивана Голоусенко. Позже нашли их обоих — истерзанных бандитами. Двадцать семь пуль оказалось в теле Голоусенко.

В это нелегкое время чрезвычайно большую работу проводили члены Воронцово-Александровского волысполкома — его председатель С. Я. Оголенко, товарищ председателя (заместитель) Н. Н. Бречко, заведующие отделами: земельным Д. Ф. Сушко, народного образования М. Н. Индиенко, коммунального хозяйства З. П. Герасименко, социального обеспечения А. И. Верменский, военной подготовки Г. Л. Жариков.

Всеобщую помощь большевикам-партийцам оказывали юные коммунары. Газета «Терек» 1 мая 1923 года сообщала, что в клубе комсомола Воронцово-Александровского состоялось торжественное заседание крестьян, профсоюза и партийных органов по случаю шестидесятилетия комячейки № 4 города Георгиевска над комячейкой села. Городские и сельские комсомольцы совместно усилиями боролись с вековой неграмотностью и отсталостью крестьян, разворачивали сеть издательств и библиотек, участвовали в подготовке конференций для беспартийных.

В начале 1924 года советский народ постигло большое горе. Скончался Владимир Ильич Ленин. Весть о его смерти молниеносно достигла и Воронцово-Александровской волости. В селе состоялось траурное собрание трудящихся. Совпаркому была направлена его резолюция, в которой говорилось, что 45 тысяч трудящихся Воронцово-Александровской волости Терской губернии

выражают глубокую скорбь по поводу смерти Владимира Ильича Ленина. «Твердо выражаем уверенность, — говорилось в резолюции, — что оставленные нашим вождем заветы будут проведены в жизнь неуклонно».

Смерть вождя еще более сплотила народ. В дни траура по всей стране проводился ленинский призыв к партии. Десятки передовых рабочих, бывших красноармейцев сел Воронцово-Александровского и Новогорьевского тоже стали членами РКП(б). Вступая в партию, они обещали не жалеть сил для выполнения великих ленинских заветов.

А дел предстояло много, и одно сложнее другого. Основным занятием населения являлось не земледельческое хозяйство, а торговля и промышленность. В сельскохозяйственном производстве было занято только 30,6 процента всего населения села, а 69,4 — составляли ремесленники, кустари, торговцы и служащие. На каждое крестьянское хозяйство приходилось около 19 десятин земли, но обрабатывать ее было нечем.

В 1924 году в Воронцово-Александровском было 2 государственные, 8 кооперативных и 312 мелких частных владельческих предприятий. В сельском хозяйстве еще безраздельно господствовал единоличник. Требовались громадные усилия по дальнейшему социальному строительству. В селе насчитывалось только шесть школ, одна профтехшкола, две библиотеки и больница на 35 коек.

Местные организации РКП(б) продолжали работать по дальнейшему укреплению артелей, товариществ, кооперативов, объединяли вокруг себя бедняцкую и середняцкую часть села, укрепляли Советы, возглавляли борьбу против кулачества и торговцев. В начале октября 1924 года в Воронцово-Александровском состоялась вторая окружная конференция крестьян культурников. Выступившие на ней председатель райисполкома т. Колтунов и начальник окрземууправления т. Бояр рассказали о достижениях лучших хозяйств, о рекомендациях

науки и о новой технике, которая уже идет на поля. Интересен сам по себе лозунг конференции «От звона — к фордзону». Выступивший на конференции крестьянин из Воронцовки сказал:

— Я приветствую нашу конференцию. «От звона — к фордзону» — вот наша дорога. Мы должны идти за наукой, от науки мы никуда не уйдем.

Налдо было убеждать единоличника-середняка в необходимости новых форм ведения хозяйства, бороться за кооперативные начала в торговле. И к концу 1924 года газета «Терек» уже сообщала, что «Воронцово-Александровский потребительский кооператив имеет первые большие достижения и число лавок по селу доведено до десяти. Лавки открыты на окраинах села, где живет крестьянство. Число членов кооператива возросло с 50 до 800 человек. Потребительское общество ведет успешную борьбу с частным рынком. Не выдерживая конкуренции, торговщи закрывают лавчонки и дают тягу в другие села».

Усиливает свое влияние комсомол. Он берется за организацию детей. 1 мая 1924 года в селе Воронцово-Александровском был создан первый отряд пионеров. Организовал его член РКСМ В. Д. Меньчиков. Юные ленинцы помогали семьям погибших воинов Красной Армии, созывали жителей на собрания, разучивали революционные песни, расклеивали антирелигиозные плакаты.

Активно работали пионерские отряды в районе нынешней средней школы № 3, где вожатой была Катруся Ковалевская. Первыми сельскими пионерами стали Алексей Оголенко, Анна Сушко, Анна Мурашко, Евгения Агаева-Калачева, Анна Веретенко, Мария Задвицкая, Александр Богославцев, Мария Бараненко и другие. На всю жизнь запомнили первые воронцовские пионеры — дети бедняков — Нина Болдырева, Митя Хартюк, Саша Богославцев поездку в пионерский лагерь

города Пятигорска, куда их направили за активную работу. К тридцатому году в селе уже был свой пионерский клуб.

Шли трудные годы хозяйственного и культурного строительства. Состоявшийся в декабре 1925 года XIV съезд ВКП(б) выработал и утвердил курс на индустриализацию страны, а через два года XV съезд — на коллективизацию сельского хозяйства. Был взят курс на расширение и укрепление сети потребительской, кредитной и производственной кооперации.

На село стала поступать техника. Как сообщала газета «Терек» 4 апреля 1926 года, «по плану тракторизации к имеющимся на весну 13 тракторам в районе кооператив «Интеграл» распространил еще 3 трактора сельскохозяйственное товарищество «Прогресс» — тракторов; госторг — 11 тракторов и частным порядком приобретено 5 тракторов; для уплотненных агромероприятий предложено 7 тракторов и еще 12 тракторов распределяется помимо плана. Таким образом, на полях Воронцово-Александровского района в сезон 1926 года будет 59 тракторов».

21 декабря 1926 года на заседании президиума Терского окрисполкома было утверждено постановление плановой комиссии об электрификации Воронцово-Александровского района. Вопрос этот являлся очень своевременным, так как были совсем изношены двигатели мельничной промышленности, ощущалась крайняя нужда в освещении крестьянских хозяйств.

Сельское кулачество, понимая, что успехи в общественном строительстве новой жизни ведут к его гибели, активизирует антисоветскую деятельность, повсеместно старается протолкнуть своих ставленников в Советы. В обстановке острой классовой борьбы проходит подготовка к перевыборам в Советы 1927 года. Ячейка ВКП(б) села Воронцово-Александровского ведет большую работу среди всех слоев населения. В результате

выросла политическая активность крестьян, рабочих и служащих. В выборах участвовало 5730 человек, в том числе 1024 женщины.

В период выборной кампании укрепился союз бедноты с середняком, вырос авторитет партячейки, в общественных делах заметнее стала роль женщин. В совет вошли 29 коммунистов, 7 комсомольцев, 64 беспартийных. «Таким образом, — писала газета «Терек», — наша ячейка экзамен выдержала успешно, совет одобран доброкачественный».

В этот период большую помощь партийной организации села по всем вопросам оказывали профсоюзы и комсомол. По сообщению газеты «Терек» «...Ячейка пользуется большим авторитетом, потому что наладила работу. Ежедневно подают заявления о вступлении в комсомол».

Комсомольцы заботились о повышении культурного уровня населения. Организовали учебу в школе политиков, создали хоровой и драматический кружки, проводили вечера самодеятельности, занимались ликвидацией неграмотности. В союзе сельхозработчиков из 85 неграмотных 68 обучались в ликбезах. Центрами культуры являлись избы-читальни.

В селе был построен кинотеатр со зрительным залом на 450 человек, удобным фойе и ярким электроосвещением.

Делались дальнейшие шаги в объединении бедняцких хозяйств. В начале 1928 года в Воронцово-Александровском были созданы артели «Заветы Ильича» и «Успех крестьян», еще через год — «Идея», «10 лет Октября» и зерновое товарищество «Красная беднота».

В селе Новоигригорьевском было создано пять зерновых товариществ: «Красный колос», «Красный родник», «Кооператор», «Секатель», «Красная Украина».

Активной силой, выступавшей в деревне, была беднота, на сторону которой переходил в большинстве и се-

редняк. Партийная организация, опираясь на растущую активность крестьянства, создала в районе 14 групп бедноты, которые впоследствии становились ядром колхозов.

В период сплошной коллективизации в колхозное движение включаются все новые слои крестьянства.

В 1929 году по решению крестьян сел Воронцово-Александровского и Отрезок был образован колхоз-гигант «Заветы Ленина» и в Новогригорьевском — колхоз имени Буденного.

Всего в Воронцово-Александровском районе было создано 23 колхоза. В них насчитывалось 132 трактора, 11 127 голов рабочего скота. На 12 мая 1930 года колхозы засеяли 71 788 гектаров яровыми культурами.

Вступая в колхозы, крестьяне связывали с ними все свои мечты о счастливом будущем, порывали с нуждой, беспросветной жизнью единоличника-бедняка и полуголодного середняка. На Воронцово-Александровской районной женской конференции в январе 1930 года делегатка Долголенко из села Новогригорьевского говорила:

— Я не имела земли. Советская власть дала мне землю, но обрабатывать одной очень трудно. Я вступила в колхоз, теперь я обеспечена и нет уже той заботы, которую я имела раньше.

Большую помощь в социалистическом переустройстве деревни оказал рабочий класс. По решению ЦК партии на работу в колхозы, машинно-тракторные станции, кустовые объединения направляются не менее 25 тысяч рабочих со значительным организационно-политическим опытом. Двадцатипятилетний Петр Иосифович Булейко, член ВКП(б), прибыл из Вознесенского района Грознефти и работал членом правления Новогригорьевского животноводческого товарищества.

В дни борьбы за сплошную коллективизацию района против колхозов и Советской власти яростно выступает

кулачество. Саботаж, поджоги, грабеж общественного имущества и оголтелая агитация против нового строя — обычные методы кулаков. По Тереку и Куме прокатывается волна кулацкого террора, прибегают они и к актам вредительства и диверсий.

От политики ограничения и вытеснения кулачества партия переходит к его ликвидации. Партийные организации, сельские Советы поднимали на борьбу с кулаками весь актив, бедноту и середняков. Конфискованное имущество богатеев передавалось в неделимые фонды колхозов; освобожденная дома использовались под школы, детские ясли, больницы и другие учреждения.

В проведении массовой коллективизации и в организационно-хозяйственном укреплении колхозов громадную роль сыграли машинно-тракторные станции. В 1930 году были созданы Воронцово-Александровская МТС и Новогригорьевская МТС, которые служили не только базой для обработки колхозных полей, но и передовой школой хозяйствования, образцом новой, социалистической организации труда.

В тридцатые годы начала издаваться районная газета «За колхозы». Она активно пропагандировала идеи партии о массовом объединении индивидуальных крестьянских хозяйств в коллективные, способствовала становлению и развитию колхозов, умело агитировала за новые формы хозяйствования, за новые производственные отношения.

В результате работы, проделанной партийными, советскими, комсомольскими, профсоюзными организациями, батрацко-бедняцким и женским активами, коллективизация быстро пошла на подъем. Весной 1931 года подавляющее большинство индивидуальных хозяйств было кооперировано. Воронцово-Александровский район одним из первых на Северном Кавказе закончил весенний сев. Как сообщала газета «Молот», район к третьему мая перевыполнил задание, засеяв 80 255 гек-